

«СВИДЕТЕЛЬ УЖАСОВ НАЦИСТСКИХ ЛАГЕРЕЙ».

Из воспоминаний **Коротыш Надежды Фёдоровны**,
несовершеннолетней узницы фашистского концлагеря

«Семья наша до 1939 года жила в Кожан-Городке, который находился на территории Западной Белоруссии (Лунинецкий район). Бедность, унижения со стороны польских «панов»... Мы, белорусы, были для них быдлом. Девочки могли учиться в школе только 2 года, а мальчики 7 лет.

У отца нашего, Фёдора Андреевича, 1900 года рождения, была подпольная связь с людьми из Восточной Белоруссии. Незадолго до событий 1939 года к нам в дом приходили связные с той стороны. Нашлись «добрые» люди, донесли на отца – вскоре его арестовали и отправили в лагерь, находившийся в Картуз-Берёзе. Отец смог выжить только потому, что был неприхотлив и привык к суровым условиям быта.

В 1939 году Западная Белоруссия была освобождена – отец вернулся домой и стал работать секретарём сельского Совета в Кожан-Городке. Надо сказать, что был он идейным борцом и человеком несгибаемой воли.

Через 2 года началась Великая Отечественная война. Семья не успела эвакуироваться и оказалась на оккупированной немцами территории.

В 1942 году начали отправлять молодёжь на принудительные работы в Германию. К нам в дом пришёл полицай и, самодовольно улыбаясь, сообщил, что принёс приказ об отправке в Германию нашего старшего брата Григория, которому в то время исполнилось 15 лет. Что пришлось пережить семье, из которой забрали подростка и отправили в ненавистную Германию, нетрудно представить.

А уже в июле 43-его года из полиции пришёл ещё один приказ и нам сказали: «Собирайтесь со всем своим выводком и будьте готовы для отправки на работу в Германию».

В то время старшему из оставшихся братьев, Володе, было 11 лет, Петру – 8, Еве – 5, Наде (мне) – 2 года 8 месяцев, старшей сестре – 14.

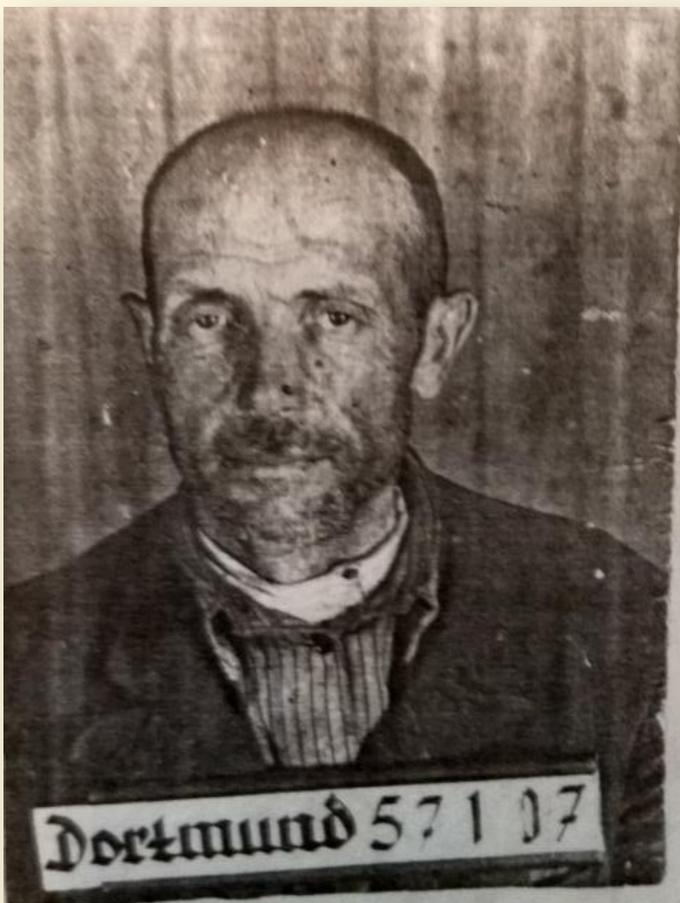
Поезд, заполненный будущими узниками, стоял в Бресте. Кто-то из людей сказал моей сестре Соне, чтобы она бежала (появилась такая возможность). И сестре действительно удалось совершить побег, а после скрываться до прихода нашей армии у тёти в Лунинецком районе.

Коротыш Надежда Фёдоровна

...Битком набитый взрослыми и детьми товарняк прибыл в город Дортмунд в конце июня. Люди, изнемогавшие от жары, жажды и голода, едва держались на ногах. Началась регистрация и сортировка узников», – с трудом продолжает свой рассказ Надежда Федоровна.

Она поведала о том, как отец Федор Андреевич, мать Мария Васильевна и четверо малолетних детей были отправлены в лагерь Вестфален Гонсель при авиационном заводе Мошедо на каторжные работы.

*Отец
Коротыш Фёдор Андреевич*

*Мать
Коротыш Мария Васильевна*

*Григорий
(послевоенное фото)*

Взрослых охрана уводила ранним утром, а возвращались узники к полуночи. Дети были под присмотром охраны. Для женщин невозможно было придумать муки более страшной: они бросали на произвол судьбы больных, голодных, полураздетых детей, которые находились под постоянным страхом побоев и унижений. Однажды восьмилетнего Петю за незначительную провинность охранник избил до полусмерти. Мальчик чудом выжил, но на всю жизнь у него остался страх перед чужими людьми.

Матрена Васильевна постоянно плакала о старшем сыне Григории, который томился в фашистской неволе. Позже семья узнала, что

Григорий сбежал из концлагеря, добрался до линии фронта, а в 17 лет ушёл воевать с врагами и закончил боевой путь в мае 1945 года.

Оставалась также надежда на то, что Софья, убежавшая при формировании эшелона в Бресте, добралась до родни и жива.

Почти два года жизни в нечеловеческих условиях отняли немало здоровья. Больные, истощавшие дети и взрослые из последних сил цеплялись за жизнь.

Из воспоминаний родных Надежда Фёдоровна знает, что и в лагере отец был среди активистов-подпольщиков, которые не пали духом, вели подпольную работу и готовили побег для мужчин военнопленных из соседних барачков.

Уму непостижимо, как он мог рисковать своим сыном Володей! Это было зимой. Мальчика несколько раз обматывали одеждой взрослых и отправляли в соседний барачок, чтобы передать одежду для готовивших побег мужчин. Володя, таким образом, несколько раз переносил одежду, пока охранник не обратил внимание на непонятно откуда взявшуюся полноту мальчишки. Чудом удалось избежать расправы.

Стоит сказать, что Володя в лагере был везунчиком. Внешне красивый, он был умным, очень подвижным и общительным мальчиком. Его прилюбила немка-кухарка, иногда подкармливала, и Володя бегал к ней на кухню.

Однажды его там заметил немец, схватил и стал поочередно показывать лицо мальчика в раздаточные окошки гитлеровцам, сидевшим в обеденном зале. При этом немец громко хохотал, вскрикивая «Ленин! Сталин!». Его приятели надрывали животы от смеха, когда в одном окошке видели испуганное лицо мальчугана, которого называли Лениным, а потом в другом окошке появлялось это же лицо, которое представляли уже как Сталина.

Володя вырвался из рук поганого немца и, полный негодования, стал бросать в него картошкой. Немец выхватил оружие, и неизвестно что стало бы с мальчиком, если бы его не спрятала под своей широкой юбкой

кухарка. Она и бровью не повела, ничем не выдала себя, когда мимо пробежал вооруженный гитлеровец.

Отец работал кочегаром в горячем цеху авиационного завода. На этом заводе трудилась и мама Надежды Фёдоровны. Условия труда были нечеловеческими: Федор Андреевич заболел туберкулёзом, получил порок сердца, поэтому и умер рано, в 1954 году.

«Посмотрите, какой у него измождённый вид», – показывает Надежда Федоровна фотографию отца, на которой чётко виден номер узника.

Надежда Федоровна заметно волнуется, когда рассказывает об ужасах, которые пережила её семья в немецкой неволе.

«Многие из семей, вывезенных на принудительные работы в Германию, не вернулись на родину. Умерли от голода, непосильного каторжного труда, жестокого обращения. Посчастливилось только нашей и ещё одной семье из Кожан-Городка.

*Владимир
(послевоенное фото)*

Выживали сильнейшие, те, у кого здоровье было покрепче. Практически все болели дизентерией, кровавый понос был смертным приговором для многих взрослых и детей. Мы ели какую-то траву, которая спасала от этого инфекционного заболевания.

В радость была миска баланды из брюквы и кусок хлеба», – с болью и печалью в голосе продолжает свою горькую исповедь Надежда Федоровна.

Потом она рассказывает о бомбёжках весной 45-ого. Ей уже было почти пять лет, и она хорошо помнит страшный гул американских самолётов. Помнит, как днём и ночью они прятались от бомбёжек в лесу. Этот страх от ужасного рёва преследует её всю жизнь. После войны она слышала самолётный гул вблизи аэродрома г. Лунина, и всякий раз ей хотелось куда-нибудь бежать, спрятаться и ничего не слышать. Навсегда сохранилось отвращение и к отрывистой, лающей немецкой речи.

Весна 45-го года была солнечной, журчали ручьи. Узники радовались не только природе, но и тому, что началась освободительная операция союзников. Лагерь и завод бомбили: много немцев, военнопленных и мирных жителей погибли. Почувствовав приближение американцев, фашисты запаниковали.

Узников, человек около тысячи, построили в колонны и под вооруженной охраной куда-то повели: то ли в другой лагерь, то ли на расстрел – никто не знал.

Озверевшие немцы прикладами автоматов избивали ослабевших, натравливали на них овчарок. Тех, кто падал и отставал от колонны, немедленно расстреливали на месте.

Семья Коротыш с четырьмя детьми оказалась в числе отстающих. Ни у кого уже не оставалось сил, чтобы двигаться быстрее. Над ними нависла угроза расстрела. Пожилой немец-охранник «не заметил», как они отстали на повороте, а лишь махнул рукой, будто указал, куда нужно уходить. Только это спасло их жизни.

Недели три семейство пряталось в каком-то заброшенном строении на опушке леса. Ночами Фёдор Андреевич ходил в поле искать мерзлую прошлогоднюю брюкву, которой потом все питались.

Однажды случайно встретил русского, работавшего на бауэра, и тот сообщил радостную весть о победе. А радоваться не было сил. Голодные, больные, кое-как добрались до ближайшего города, освобождённого американцами. Там им выдали еду, и белорусская семья впервые узнала, что такое галеты. Союзники с каждым из бывших узников беседовали и настойчиво предлагали уехать в Соединённые Штаты. Особенно полюбили они мальчика Володю за его весёлый нрав.

Чувство родины превыше всего – семья вернулась в родные места, село Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

В этом же году при освобождении Польши погиб дядя Надежды Фёдоровны Иван. Еще долгое время семья жила бедно, было голодно и холодно. В лесах хозяйничали банды бандеровцев. Были диверсии, убивали коммунистов. До 47-го года ужас наводила банда Ковшика. Отец всегда оставался на переднем крае борьбы с врагами.

Надежда Фёдоровна по нашей просьбе показывает удостоверение узника, многочисленные награды, которых она была удостоена за добросовестный труд. Рассказывает о том, как по распределению приехала в Хотимск, как в 1959 году на танцах в доме культуры познакомилась с будущим мужем, как он за 30 километров возил её в деревню Ботаево слушать пение соловьёв. Как в 1969 году построил этот дом, где они с дочерью Ларисой и внуком Артёмом всегда жили дружно и любили встречать гостей. Много рассказывает о внуке, его любви к чтению, наукам, программированию.

Удостоверение малолетнего узника нацистского лагеря

Во всём облике Надежды Фёдоровны, в её манере общения, рассказах о людях чувствовалась безмерная любовь ко всему: дому, родине, её истории, народу, классической литературе, природе... Меня поразило знание поэзии, преклонение перед прозой Толстого и Достоевского. Надежда Фёдоровна читала наизусть Есенина, рассказывала о его жизни.

Слушая свою собеседницу, я поняла, что такие люди, как она, – соль нашей земли. Мы кланяемся им за перенесённые страдания, благодарим за мужество и веру, трудолюбие и бесконечную любовь к жизни, к своей родине.

И если мы предадим память об этих людях, забудем о том, что им пришлось пережить, значит, предадим себя, своих предков, историю своей страны.

Во время беседы с Надеждой Фёдоровной

Автор
Богданова Алёна Андреевна,
учащаяся X класса ГУО «Средняя школа № 2
г.п. Хотимска»